

ПАВЕЛ ДЕВЯШИН

ДЕНЬ МОЛОХА

18+

Павел Девяшин

День Молоха

«Автор»

2026

Девяшин П. Н.

День Молоха / П. Н. Девяшин — «Автор», 2026

Москва, 1979 год. Пётр Молоховский, талантливый и циничный прозаик, балансирует на грани между официальным признанием и опасным самиздатом. Его день начинается и заканчивается на пороге бездны. Всё, что происходит с ним за эти решающие двадцать четыре часа, — лишь отражение куда более древнего сюжета. Сможет ли он его переписать? «День Молоха» — метароман о природе лжи в литературе, где каждое слово отзывается эхом в реальности, а правда становится опаснее любого оружия. Остросюжетный интеллектуальный детектив, глубокая рефлексия и игра с историей в одном флаконе. Роман, в котором литература становится главным героем и... палачом. Кто на самом деле пишет эту историю — писатель, историк или само время? И можно ли выстоять, если ты решил оспорить приговор, вынесенный пером?

© Девяшин П. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ "ЗРАК ВЕТРА"	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ "Копейка рубль бережёт"	6
ГЛАВА ВТОРАЯ "Швейцар и Швейцария"	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ "Один с двадцати дворов"	12
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ "Масляна головушка, шёлкова бородушка"	16
ЗРАК ВЕТРА (рассказ)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

День Молоха

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ "ЗРАК ВЕТРА"

«Дрались мы, значит, с вашими ветряными мельницами, да вот только ветер оказался... настоящим!»

— **Аноним. Третий шахматный столик. Нескучный сад**

ГЛАВА ПЕРВАЯ "Копейка рубль бережёт"

«В первый понедельник апреля 1625 года всё население городка Менга, где некогда родился автор «Романа о Розе», было объято таким волнением, словно гугеноты собирались превратить его во вторую Ла-Рошель...».

Строки любимого романа крутились в голове перед самым пробуждением — нудели, как комар, вонзаясь в мозг слог за слогом.

Пётр глядел в потолок. Лежал, закинув руки за голову, и думал — как бы он перефразировал это, начиная роман о сегодняшнем дне? О дне Молоха... Ухмыльнулся. Должно быть, так:

«В последний день февраля 1979 года население стольной Москвы, где родился автор пока ещё никому не известного памфлета „Зрак ветра“, не было объято не то чтобы волнением — нет, оно хранило ледяное спокойствие. Пролетарии явно собирались превратить этот день в очередной календарный лист, что отрывают и бросают в мусорную корзину — вместе с газетами и пустой пачкой „Беломора“».

Он сел. В голову ударил убойный дуплет: табак и водка — напоминание о ночном самоуничтожении. Облезлая хрущёвка поплыла перед глазами.

Чёрт!.. Давно пора переклеить обои. Какие-нибудь ромашки или кубики — что-нибудь нейтральное... Чёрно-белые полосы просто убивали. Тоже мне зебры в берёзовой роще.

Кап... Кап... Кап...

Раковина насмешливо принимала удары воды. Сквозь стену пробивался голос диктора — передавали сводку погоды. За окном бушевала метель. Всё это гудело в похмельной голове с настойчивостью председателя Литфонда.

Почесав затылок, Пётр поднялся — медленно, будто вытаскивал себя из болота, — и двинулся на кухню. Почему с вечера не открыл форточку? Духота давила с такой силой, будто на темечке сомкнул зубы крокодил.

Пить!.. Скорее...

Вода в графине отдавала подозрительной зеленью. Ну уж нет.

Скрипнула дверца холодильника — и с решётчатой полки в ладонь перекочевала початая бутылка «Столичной». Последняя, между прочим — надо бы купить ещё. Про запас.

Чёрт! Где хоть один чистый стакан? Плевать, этот сойдёт.

Пётр сел за стол, налил себе порцию. Как всегда — ровно на палец.

Эх... Хороша, чертовка!.. Прямо гоголевская немая сцена, аж слёзы из глаз.

Он затаил дыхание и привычно поморщился — не от вкуса (тот давно перестал чувствовать), а от ожидания нестерпимого пламени в желудке.

Захрустев чёрствой горбушкой, попытался приглушить жжение. Физические ощущения, как наименее контролируемые, давно перешли в разряд «неизбежного зла», но духовная составляющая требовала особого подхода. Утешение — почти каждое утро — отыскивалось во фразе:

«Всё в литературу!» — эта мантра спасала, как спасают кавычки, когда хочешь уберечь текст от патетики.

Любая пакость, если она несёт сложные чувства и угрызения совести, есть не что иное, как уголь для локомотива под названием «Художественная проза». Топливо всякого писателя.

Пётр поскрёб небритую щёку:

— Ну, Молох, соберись. Предстоит важный день. Нужно жечь сердца глаголом, но сперва потушить свои трубы.

Налил ещё. Выпил. Уткнулся носом в рукав фланелевой рубахи.

Вообще-то вторая порция — против правил. Однако сегодня — ничего, можно. Чтобы не дрожали руки, надо завести «малого механического быка».

Пётр откинулся на спинку стула, ощущая, как внутри разливается тепло. В голове прояснилось. Наступил тот краткий миг похмельной ясности, когда мысли выстраиваются в стройные, как клавиши печатной машинки, ряды.

Молох — это ведь бык. Вернее, поганный божок с головой быка. Но само животное ни в чём не виновато. Пётр Молоховский включал в себя обе ипостаси — мятежного духа и домашнего зверя. Малый бык — для упрямства: каждое утро наливать ровно на палец, садиться за стол, молотить по «ундервуду». Писать, чтобы жить. А Большой — для времени исторического: реветь на площадях, поднимать на рога несправедливость. Какой важнее — Пётр, сказать по совести, не знал. И плевать.

Сунув за ухо папироску, он встал к окну. Шшшшх. Жёлтая от табачного дыма тюль отодвинулась в сторону.

Улыбнулся, глядя с высоты пятого этажа на сверкающую инеем крышу своего «русского фиата».

Вот она — свободная социалистическая республика на колёсах. Его собственная страна. Его собственная валюта — та самая копейка, которая рубль бережёт! Четыре колеса, карбюратор, бак. Сел, завёл — и поехал. Точнее, полетел: ездить медленно Пётр не умел. Он становился самим собой только на дороге, когда стрелка спидометра переваливала за сотню.

«И уподобился ветру, и с ним вознёсся!» — мелькнуло в голове.

Рассказ «Зрак ветра» был дописан. Вернее, работа над ним закончена: дописать, как известно, ничего нельзя. Только поставить точку. В любом случае пора, о народный трибун, явить творение массам.

Тьфу, чёрт с ними, с этими массами.

Творение будет явлено французскому журналисту — тому, которому за это деньги платят. За риск, любовь и уважение к советскому слову. И за покровительственное похлопывание по плечу, кстати, тоже.

Дать бы самодовольному карасю в морду. Нельзя. Обидится — и не передаст «шадевр» самиздата в «ля печать».

К слову сказать, пора. Большой бык бьёт копытом, а Малый подсказывает, что время на исходе. Мосье Пьер (тоже мне тёзка!) ждать не будет.

С минуту покрутившись у зеркала, занимавшего почти всю прихожую и располагавшего к самолюбованию, Пётр провёл гребешком по элегантным залысинам. Вихрам, что окончательно одержали верх в день рождения, в тот торжественный и нафиг никому не нужный сорокапятiletний юбилей. Драповое пальто выцвело, зато роговая оправка здоровенных очков отлично гармонировала с цветом шарфа.

Осталась самая малость.

Подошёл к столу и порылся в бумагах. Печатный текст был кое-где усеян пометками цветных карандашей, а в иных местах вычеркнут целыми абзацами.

Ага, вот она.

Папка с рассказом перекочевала в портфель. Там со вчерашнего вечера ждали ключи от ВАЗ-2101, водительское удостоверение, корочка члена Союза писателей и обрывок штанины от кальсон — для финальной протирки «железного коня».

Прежде чем выйти из квартиры, Пётр взял с тумбочки шахматную доску, щёлкнул тумблером — лампочка-груша погасла. Он привычно подмигнул ей, будто прощаясь, и был таков.

Его ждал ледяной ветер, а потом — рёв мотора и красивое будущее. В чём бы оно ни заключалось.

Молох не заметил, как на верхней площадке качнулась тень. Собственное хриплое дыхание не позволило расслышать шаги за спиной.

Впрочем, есть ли в этом смысл? Может, это просто тень быка?

Дверь захлопнулась. В прихожей стало тихо. Только из кухни снова донеслось: кап... кап... кап... Раковина продолжала свою издевательскую песню.

ГЛАВА ВТОРАЯ "Швейцар и Швейцария"

Анна проснулась за семь минут до будильника. Как всегда. Исключение делалось разве что по воскресеньям — тогда мать, царствие ей небесное, будила их с братом Лёшей к обеду.

Теперь ритуал был иным: лежать и слушать звуки.

Звуки живого мира.

Разумеется, не дикой природы, а гул лифта, бульканье воды в стояке, хлопки подъездной двери, скрип снега под ногами тех, кто каждый день ровно в шесть утра по московскому времени спешит на завод. Так сказать, звуки урбанистической фауны.

Как там пелось в «Александре Невском»?

«Вставайте, люди русские,

На славный бой, на смертный бой...»

Что-то в этом роде.

Растерев лицо до красноты — чтобы поскорее проснуться, — Анна поднялась и методично заправила кровать. Отступила на шаг, любясь выверенной геометрией подушек и ровным срезом одеяла.

Губы тронула улыбка: подобной чёткости позавидовал бы даже прапорщик ракетных войск. Если верить уставу Красной армии, который она подклеивала вчера на работе, это была не просто заправленная кровать, а настоящая гордость казармы.

Хотя... Для полноты картины не хватало всегдашнего элемента — плюшевой собачки Зинки с пуговками от халата вместо давно отвалившихся глаз. Вот теперь хорошо!..

Чмокнув старую знакомую в пластмассовый нос, Анна подошла к окну. На крыше телецентра, невзирая на метель, мигал красный огонёк.

— Маяк горит, берега держать велит, — произнесла она любимую присказку и сунула босые ноги в тапки.

Взгляд невольно скользнул на расчищенный сугроб — туда, где иногда стоит Петина «копейка». Подумалось: «Пустое место. Уже или ещё?»

Господи, что за бред!

Украдкой, чтобы брат не видел, перекрестилась. Пора готовить завтрак.

Выйдя на кухню, потянулась к термометру, но иней плотно сковал подветренное окно, и Анна так и не узнала, сколько градусов за бортом. Радио давно сломалось, а посему погода оставалась загадкой.

Хорошо — сегодня никуда не надо. Смена в библиотеке только завтра.

Нарезав брату его любимую докторскую — тонкими, интеллигентными кружками, — налила полный стакан кефира и взглянула на часы. Почти семь. Рано. Лёшка встанет минут через сорок.

Чаю не хотелось. Можно приступить к операции «Полная морозилка» и наконец налепить пельменей. Фарш и тесто ждали ещё с вечера.

Пузатые кругляши с аккуратными ушками заполняли поднос, и Анна отдалась механике движений. Мысли текли сами собой... Мука на столе напоминала снежные следы... Те, что Пётр Молоховский оставил на паркете читального зала ровно год назад.

— Девушка, здравствуйте! Мне бы уездные карты с сетью железных дорог до семнадцатого года. Тульская губерния.

Она подняла глаза от карточки с библиографией И. С. Тургенева. Карие глаза сверкнули под линзами очков.

Кто это такой интересный? Надо же, тоже очкарик. Только старый — лет сорока, не меньше. Побрился бы, что ли, прежде чем входить в сей храм...

— Товарищ, это библиотека имени Маяковского, а не железнодорожный архив.
Посетитель хмыкнул.

— Да что вы! Я, должно быть, плохо протёр очки — не разглядел табличку на входе. Пардон, милая барышня, но мне нужны не чертежи, а согласованные земством маршруты. В Союзе писателей шепнули, будто у вас всё это наличествует.

Анна поправила манжет. Ясно. Очередной романист-публицист, инженер человеческих душ и, кто бы сомневался, непризнанный гений.

— Вы хотите доказать, что рельсы проложили, преступно игнорируя крестьянские наделы? Или, наоборот, подчеркнуть единственно правильный коллегиальный, сиречь товарищеский, способ согласования?

Очкарик дрогнул — улыбка из иронично-издевательской враз стала тёплой.

— Пока не знаю. Но мне нужно позарез. Горят сроки нового романа. Наверху сказали: либо месяц кататься на тепловозе, прочувствуй трудности рабочей обстановки, либо представь историческое исследование. Мне второе, честно говоря, сильно ближе.

Анна вздохнула. Куда девать очередного страдальца? Вон у него и щёки запали. Наверняка не жрёт из-за своей книжки.

— Фонд земского собрания. Чертежи инженера Мельникова. Пять рабочих дней.

— Спасибо. Век не забуду, ежели, конечно, столько протяну, — он по-мальчишески хихикнул и скосил глаза на карточку под её ладонью. — У вас безупречный почерк. Как у монахини-переписчицы в старообрядческом «корабле». Небось каждая буква отмолена?..

Она чуть было не зарделась. Поняла — это пусть кривенький, но комплимент. Уголок её рта дрогнул. Не в улыбке — упаси Господи! — а как бы подавая едва уловимый сигнал: «Ваша ирония оценена по достоинству. Вы были взвешены, измерены и признаны... годным».

— Не отмолена. Отсижена.

— П-простите?

— Отсижена на этом вот твёрдом стуле. Он так неудобен, что писать неправильно, зачёркивать и переписывать просто нет сил.

Он рассмеялся. Не хамски, а как-то совершенно по-доброму. Как умеет смеяться лишь друг или...

Анна поморщилась от собственной сентиментальности.

— А если я приду не через пять дней, а прямо завтра и, разумеется, не с пустыми руками? Что скажете... эмм... Не имею чести.

— Аня.

— Очень приятно, а я — Пётр. Так что насчёт завтра, милая Аннушка?

Она пожала плечами. Взгляд её упал на читательский билет, который посетитель положил на край стола. «Молоховский Пётр Тимофеевич» — прочла она краем глаза.

— Завтра библиотека будет на санитарной обработке. Придёте — получите аллергический ринит от инсектицидного порошка.

Посетитель с готовностью поднял руки. Дескать, сдаюсь на милость победителя. Явлюсь, когда прикажут.

— Вы прямо как швейцар посреди Швейцарии, Аня. Порядок в порядке.

Его взгляд не ожёг, а согрел.

Вот тут она улыбнулась по-настоящему. Мужчина не обиделся, не надулся, а сделал единственно верный ход: спрятал клыки и доверчиво подставил брюхо — чеши — не хочу. Пёс виляет хвостом. А может, тут порода?

Время покажет.

Вопреки собственным правилам, она смотрела, как он уходит, — пробирается по сугробам к машине. И тогда случилось удивительное: рука потянулась к окну и коснулась холодного стекла там, где его силуэт мелькал в метели.

Одёрнув пальцы, вернулась к тургеневскому каталогу. Глупость и пошлость. В тот день она ещё долго ругала себя за мягкотелость, но щёки предательски горели.

Год пролетел, как миг.

Очередной пельмень никак не желал лепиться. Тесто пристало к пальцам, фарш выпал на стол. Всё потому, что закончилась мука. Надо бы сходить за ней на балкон, но это через Лёшкину комнату.

А впрочем... его давно пора будить!

На стук никто не отозвался.

Анна толкнула дверь. Никого. Лишь смятая кровать и тиканье настенных часов. Кровать холодная — значит, Лёшки не было уже давно. Может, с вечера? Она не заглядывала к нему перед сном.

Догадка искрой полыхнула в мозгу.

Опрометью бросилась обратно на кухню. Пальцы коснулись чайника — едва тёплый. Его грели два-три часа назад.

Хлоп! Дверца кухонного гарнитура жалобно задребезжала на ржавых петлях. Так и есть — полка, где стоял термос, пуста.

Лёшка ушёл невесть когда.

Анна выглянула на лестничную площадку. Входная дверь, как это частенько бывало, оказалась не заперта. На пороге — пустая пачка «Беломора». Странно. Лёшка курит «Яву».

Сердце застучало с удвоенной силой.

Она и раньше подозревала, что брат связан с этим диссидентским кружком, где верховодит Скуратов — их с Молохом плешивый кумир. Председатель той самой «Тортуги», о которой Лёшка все уши прожужжал.

Вчера вечером он вернулся от Скуратова поздно, возбуждённый, но на расспросы только отмахивался. А теперь — исчез. Неужто это как-то связано?

А может, вчера, пока она была на смене, к ним приходил Пётр? О чём говорили?

Анна покачала головой. Пачка «Беломора» могла принадлежать кому угодно. Соседу, например. Она сама себя накручивает.

Но Лёшка исчез. Это факт.

Вернувшись в комнату, опустилась в кресло. Под тёплый абажур маминой лампы. Скрипнули пружины.

Спокойно.

Взгляд рассеянно скользнул по комнате и наткнулся на коробку из-под портняжных ножниц. Зачем он взял их с собой? В качестве оружия? Или, как вчера пошутил, — «два в одном: кастет и кинжал».

Господи, во что опять вляпался?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ "Один с двадцати дворов"

Накануне вечером.

— Я один с двадцати дворов, один в поле воин! Сражаться за правду готов! Единственный, кто достоин!..

Алексей, как всегда, не вошёл, а ворвался на кухню. Его острый подбородок, казалось, нёсся вперёд, увлекая за собой голову, а за ней — худое, вечно не поспевающее тело. Молодой человек походил на скелета, которому, придавая ускорение, треснули доской по затылку.

Увлёкшись декламацией, юноша взмахнул рукой — дзинь! — и фарфоровая кружка полетела со стола.

— Лёшка! — сестра упёрла руки в бока. — Чего творишь?! Аккуратней, пожалуйста... Что за стихи? Твои новые?

— Ага! Нравятся? Ещё бы не нравились... Я — гений, Анют, чистый гений. И только ты это понимаешь. Но это пока... Обещаю, очень скоро всё изменится. Он одного меня выбрал, одного из всех. С двадцати дворов, как рекрута при Петре.

Сестра взяла веник. Осколки разбитой посуды с жалобным звоном устроились в совке.

— При Петре? Молоховском?.. Он тебя выбрал?

— Нет, что ты! — прыснул Алексей, потрясая пушком над верхней губой. — При Петре Великом, глупенькая. А выбрал меня вовсе не Молох, бери выше, сам... Ну? Отгадай?

К его досаде, приземлённая сестра заговорила не о том:

— Чем это от тебя пахнет? Опять забыл выложить перчатки из кармана? Они же в снегу... Ну вот, теперь это мокрая тряпка.

— Две мокрых тряпки, — съязвил Алексей, не скрывая раздражения. — И от обеих несёт псиной. Что с того? Кинь на батарею — всего делов! Я тебе, Ань, о важном, а ты...

— Ладно-ладно, не дуйся. Кто там тебя выбрал?

— Скуратов! Вадим Семёнович! Представляешь?

— Скуратов? — Анна замерла. Совок дрогнул, и осколки со звоном посыпались обратно на пол. — Лёша, а зачем он тебе? Ты же сам говорил, он... с большими людьми общается. Ты будь осторожен, ладно?

В этот момент с улицы донеслось громкое «Бип!». Оттолкнув сестру, юноша бросился к окну.

Просиял.

— Лёшка! — Анна потёрла ушибленное плечо. — Вообще-то больно. Мог бы извиниться.

Алексей чмокнул сестру в щёку, махнул рукой и выбежал из квартиры. Дверь возмущённо закачалась на петлях.

Брезгуя лифтом, молодой человек припустил по лестнице. Летел через две ступеньки, а последний пролёт и вовсе прокатился по перилам, нимало не заботясь о свидетелях.

Перед подъездом, кашляя выхлопным газом, ждала старенькая «Волга» цвета выгоревшей глины, а в ней персональный шофёр. Всё как в кинофильмах: руки на руле в кожаных перчатках, кепка сдвинута на самые брови.

Вот это жизнь! Ай да Скуратов! Не просто пригласил к себе, где, между прочим, не все из «торгуговцев» бывали, а прислал машину. С ума сойти.

Уважает мэтр Лёху Тишкина. Отношение не к мальчику, но к мужу.

Аньке и её женишку Молоху до такого обхождения, как до Луны.

Обрадовавшись «Волге» в первую минуту, Алексей выкинул поездку из головы, когда машина выехала из занесённого двора. Он то гадал, зачем его пригласил столь могуществен-

ный человек, то принимался складывать строфы нового — непременно эпохального — стихотворения. Ни то, ни другое не принесло результата. Дорога была недлинной.

Выскочив из машины, Алексей поморщился и громко хлопнул дверью. Проклятый запах бензина. Из-за него разболелась голова.

Шагая по тротуару, бросил короткий взгляд на массивный дом тридцатых годов. Ого! Глыба... Хотя, наверное, и квартира у Скуратова только с виду роскошная, а внутри — всё тот же запах бензина. Разумеется, фигурально.

Ошибку он понял сразу. Едва переступил порог. Нет. Тут пахло совсем иначе: дорогой парфюмерией, кожаной мебелью и... самой историей.

Не конспиративная халупа, а зимний дворец. Не меньше.

Входя в незнакомое помещение, Алексей всегда инстинктивно пригибался — не столько из-за роста, сколько от привычки... Здесь же впору было прыгать — всё равно до потолка не достанешь.

Из глубины квартиры раздался бархатный голос:

— Входите-входите, молодой человек. Я здесь, в кабинете.

Ну он и вошёл. Чего заставлять человека ждать?

Кабинет представлял собой замкнутую литературную экосистему. Зелёная штора на окне — ни дать ни взять театральная портьера, — а по сторонам два шкафа тёмного дерева. Хозяин, облачённый в поношенный халат поверх свитера, сидел не за печатной машинкой, а ближе к подоконнику — перед стеклянным столиком. Прозрачная столешница, будто официант старой московской гостиницы, презентовала поднос с нарезанным лимоном, графином и двумя бокалами: пузатым хрустальным и чуть поменьше с надписью «На память из Сухуми».

Скуратов поднял взгляд не сразу, а лишь когда наполнил пузатый бокал коньяком и бережно протёр горлышко графина салфеткой. Прозрачные, почти белые глаза — под стать седому венчику на лысом черепе — смотрели с насмешливой искоркой.

— Рад вас видеть. Присаживайтесь. Нет-нет... Ботинки извольте оставить в прихожей. Благодарю. Не угодно коньячку? Венгерский.

— Здравствуйте, Вадим Семёнович. Спасибо, я не пью. Убивает клетки мозга, мешает творческому развитию личности... — наблюдая, как Скуратов нюхает коньяк, Алексей замялся. — Ну, во всяком случае у меня. Другим, тем более гениям, не возбраняется. Вон, кажется, и Пушкин любил пригубить.

Довольный тем, как выкрутился из собственноручно вырытой ямы, повалился в кресло. Ноги инстинктивно поджались, не желая задеть столик.

Хозяин с тонкой улыбкой пригубил «венгерский нектар» и сказал:

— Клетки мозга? Любопытная формулировка. Ближе к Чехову, чем к нейрофизиологии. Что ж, ваша принципиальность делает вам честь, юноша.

Желая как можно быстрее сменить тему, Алексей указал костлявым подбородком на книгу под рукой хозяина.

— А что это вы читаете? Дюма? «Три мушкетёра»? Молох тоже очень любит. Роман... эпохальный.

Улыбка Скуратова стала теплее. Бокал занял своё место на подносе — справа от лимонной нарезки.

— Петя? Не знал... А впрочем, ваш друг всегда был рыцарем без страха и упрека. Пламенный гасконец от литературы. Не человек — факел! — Скуратов выдержал паузу, лицо приобрело оттенок грусти: — Увы, мне немного не хватает того Молоха. Теперь Петя больше похож на спички, что уютно пристроились возле газовой конфорки с чайником.

От внезапно накатившего волнения Алексей вытянул ноги и, конечно, задел столик. Графин угрожающе качнулся.

— Это вы с чего взяли... Почему решили, что Молох уже не тот? Когда в последний раз с ним виделись? Нет, Вадим Семёнович, вы не правы. Уж простите, но скажу как есть! Молох и сейчас ого-го.

— Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты! — подмигнул Скуратов и, отечески тронув гостя за плечо, поднялся. Почти не глядя сунул книгу на полку, да не под стекло к золочёным фолиантам, а на самый верх антресоли, где почти не видно корешков.

Алексей стиснул кулаки. Надо что-то сказать, но в голову, как назло, не приходила достойная отповедь.

Воцарилась тишина, и она, выражаясь высоким стилем, пахла трупом. Была не такой, как в библиотеке или, скажем, в зале суда, а какой-то... кладбищенской. Впитывала молчание, как склеп впитывает прах.

— Вообще вы правы, Алексей, — опустившись в кресло, Скуратов дал старт новому витку беседы, но странное дело — его шелестящий голос вовсе не разогнал замогильный морок. — Я давно его не видел, но слышал от общих знакомых, будто Петя всерьёз заинтересовался архивами.

Алексей наконец совладал с собой. Выпалил, боясь, что горло вновь скуют ледяные цепи:

— И что с того? Молох — историк. Вы читали его «Стрельцы у трона»? Это же скрупулёзный анализ бунта 1698 года!..

— Как точно вы подметили, юноша. Браво. Почему бы не взять метафору из истории? Только не русской, а греческой. Архив — особенно тот, для которого требуется спецдопуск, — это лабиринт Минотавра. Оттуда можно выйти с пустыми руками, с новой истиной или... остаться навек холодным трупом на рогах зверя.

«И этот про труп!» — мысленно поморщился Алексей, начиная жалеть, что отказался от коньяка. Хоть согрелся бы.

— Молох — сам бык. Истинное божество. Ещё посмотрим, кто кого возьмёт на рога!

Сказал и вдруг испугался. Что хозяин? Не разозлился на дерзость?

Однако Скуратов и не подумал топтать ногами. Слушал, как подобает интеллигенту, разглядывая бокал на свет. И только когда пауза после слов Алексея стала заметной, лениво перевёл взгляд.

— Ах, годы! Мне бы вашу ершистость, молодой человек. Горы бы свернул, честное слово. Теперь давно ничего не по зубам, даже лимон, извольте видеть, прошу домработницу обрезать... Твёрдые корочки не для меня. Но вы не горячитесь. Я ни в коем случае не считаю, что Петя ищет место теплее и сытнее. Тут другое: когда человек столько лет бьётся головой о стену, рано или поздно начинает разглядывать её фактуру. Из чего она и как сделана? Кем? О чём думали строители? Я вам больше скажу, сам через это прошёл. И если бы Петя не столкнулся с подобным, я, право, счёл бы его... незрелым. Понимаете?

К собственному удивлению, Алексей начал злиться. Возникло ощущение, будто спор идёт о книге, которую он прочитать прочитал, да не больно-то понял.

Всё. Баста. Надо это прекращать.

— Понимаю, Вадим Семёнович. Но давайте больше не будем о Молохе. Он мой друг. Иначе я... вынужден буду уйти.

Скуратов потянулся к письменному столу, взял пепельницу. Щёлкнул портсигаром, и табачный дым устремился к высокому — впору петь про сталинских соколов — потолку.

— Помилуйте, но я пригласил вас именно потому, что вы дружите. Давайте начистоту. Пете может грозить опасность.

Алексей ошеломлённо молчал, наблюдая, как вверх поднимается очередное колечко.

— Вы спросите, в чём дело, юноша. Всё просто. Испытывая кризис и желая доказать себе и окружающим, что его пламя по-прежнему горит, ваш Молох пошёл на отчаянный шаг. Завтра он встречается с французским журналистом Пьером Готье. Жаждет передать в печать

одну из последних работ. Смело. Смело и безрассудно. У меня к вам просьба, Алексей. Будьте с ним. Умоляю.

Кровь прильнула к щекам, пальцы запрыгали. Молодой человек вскочил, затем сел. Снова вскочил.

Миссия. У него появилась настоящая миссия!.. Это вам не стишки лабать на студенческих сейшенах.

— Я буду рядом. Ему может грозить опасность, да? Прихвачу что-нибудь. Найду... И спасибо, мэтр! За честь... Побегу. Торопиться надо.

Голос Скуратова настиг его уже в прихожей:

— Пойдите, юноша. Последняя деталь — Петя не должен вас видеть. Станьте его незримым ангелом! — сказав это, Скуратов допил коньяк и выверенным движением вернул бокал точно в центр подноса.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ "Масляна головушка, шёлкова бородушка"

Термос был пуст.

Дрожащей рукой — не от холода, а от осознания причастности к миссии — Алексей закрутил крышку. Всё. Последняя порция чая. Напитка, ставшего лучшим другом в эту долгую ночь — ночь, проведённую в подезде.

Ничего. Где-то уже играет радио, передаёт прогноз погоды. Значит, шесть часов. Скоро этажом ниже брякнет дверь — и Молох выползет из бычьего загона на свет Божий. Ну, фигурально, конечно. Темнота рассеется ещё не скоро.

Дело будет сделано ещё до рассвета. Молох передаст рукопись французскому коллеге из писательской братии.

Убрав пустую жестянку в рюкзак, Алексей сел на ступеньки. Тяжёлые ботинки размазали лужицу пролитого чая. Эх, по возвращении надо будет отдать Аньке — она одна знает, как привести обувь почти в идеальное состояние.

Щёки горели. Он представил, как будет рассказывать о «Великом бдении» товарищам на конспиративной квартире. Эта мысль согревала не хуже коричневой бурды из термоса — и не оставляла на языке рвотных чаинок.

Надо же... два литра за шесть часов — и ничего. Не приспичило. Физиология посрамлена рыцарским духом.

Виват! Даёшь!

Щёлкнул замок — и по лестнице вниз покатались тяжёлые шаги. Это он! Молох...

Алексей вскочил и прижался к стене, не обращая внимания на свежую побелку. Мелкими перебежками бросился следом.

Хлопнула дверь подезда. В свете уличного фонаря мелькнула высокая фигура с портфелем в руке.

Отлично. Теперь немного подождать, пока Молох похлопает свою «Копейку» по крыше и прогреет движок. Пять минут? Семь? Не больше.

Определив по звуку, что парковка перед домом опустела, Алексей выбежал на улицу и опрометью бросился за угол. Ледяной ветер гирляндой развесил снежные крошки над верхней губой.

«Волга» Скуратова уже пыхтела мотором. Водитель-умница не спал — всё, как велел Алексей. С ума сойти!..

— Гони за ним! Не упusti!

— Без сопливых гололёд...

Настоящая погоня. Или, скорее, слежка — по ночной Москве, вдоль набережной. Красота. Полёту мыслей не мешал даже пресловутый запах бензина.

Чёрт. Здорово Молох управляется со своим «советским фиатом». Красные габариты почти скрылись в метели.

— Жми, ну чего ты...

Водитель дёрнул плечом. Ладонь в кожаной перчатке сдвинула кепку на затылок — чтобы не мешала смотреть.

Захлёбываясь от восторга, Алексей машинально сунул руку в рюкзак и нащупал портняжные ножницы — те, что так напоминали кинжал.

Если понадобится — не задумываясь пустит их в ход! Только суньтесь к Молоху...

А к такому, пожалуй, и сунешься.

Красавец! Сам кому хочешь зубы пересчитает. Человек действия. Лихо ездит, ни от кого не зависит. Сам себе пастух — и сам зверь.

Алексей вздохнул.

А Скуратов... Скуратов — и вовсе может сделать так, чтобы другого возили, да ещё и не выходя из кабинета. Вот она, настоящая сила. Не в действии — а в слове.

Бешеная гонка началась в спальном районе и закончилась в пустынном по утреннему времени Нескучном саду. «Волга» остановилась в разумном отдалении от машины Молоха.

— Да, молодец, что не рядом. Не хватало, чтобы нас заметили. А где он сам? Куда делся?

Водитель молча кивнул в сторону. Там, чернея среди сугробов и заиндевелых тополей, маячила фигура Молоха.

— Жди. Я скоро.

Алексей вынул из рюкзака ножницы и сунул во внутренний карман куртки. Термос оставил в салоне. Не таскаться же с ним. А если брякнет? Да и в драке — лишняя обуза.

Остриё неприятно ткнуло в ребро сквозь подкладку «рыбьего меха».

«Ну вот, — с горьковатой бравадой подумал молодой человек. — Теперь я вооружён. Как настоящий телохранитель».

Он поднял ворот, чувствуя тяжесть своего «оружия», и сделал первый шаг к ограде. Ноги отказались повиноваться. Не от страха — вздор! Скорее от долгого сидения. Или от того, что мочевой пузырь наконец вспомнил о двух литрах выпитого.

Шалишь, дружище. Нашёл время.

Алексей рывком двинулся по замётённым, нечищеным аллеям, стараясь не упустить Молоха из виду. Что это у него в руках? Шахматная доска? А куда делся портфель? Оставил в машине?

Проклятье. Как сделать, чтобы снег не скрипел под ногами? Его, должно быть, за километр слышно. В такой-то тишине. Хотя... Нет. Звук перебивает монотонный гул просыпающейся столицы. Не город — а неисправный трансформатор: бууу... да бууу...

Наконец Молох остановился. На перекрёстке четырёх тропинок, что полукругом обходили площадку со столиками для игры в шахматы. В эту минуту они напоминали засыпанные обелиски. Алексей хмыкнул: «Тоже мне, Стоунхендж!»

Молох смахнул с ближайшего снег. Доска с осторожностью домашнего кота разместилась на столешнице.

Алексей застыл, отчаянно надеясь, что Молох не обернётся. Если бы не позывы в сортир, он бы заранее приметил, что объект сбавил скорость и вот-вот остановится.

Надо спрятаться. Куда? За лавочку справа или дуб слева. Конечно, за дуб! Во-первых, это куда поэтичнее, а во-вторых, под лавочкой — жёлтые пятна собачьей мочи. Мерзость.

Недолго думая, Алексей шагнул за дуб и... едва не вскрикнул. Под ботинком хрустнуло тельце дохлого голубя. Чёрт бы его побрал!..

Может, всё-таки за лавочку?

Поздно.

С противоположной стороны сада к Молоху приближался человек. Это наверняка журналист. В Союзе не носят таких пальто. Разве что в качестве реквизита на Мосфильме.

Вот оно. Началось. И я в эпицентре.

Молох поднял руку в приветственном жесте. Не слишком ли картинно? Всё-таки не римский патриций...

Наблюдая за встречей, Алексей переступал с ноги на ногу. О чём, скажите на милость, можно так долго говорить!..

Ага. Вот шахматная доска перекочевала в руки француза. Вот он уходит. Молох смотрит вслед.

Что — всё? Так просто? И банально?

Не успел Алексей испытать разочарование, как из-за кустов посыпались люди в штатском. Взяли Молоха под руки, окликнули иностранца.

«Беги!» — мысленно крикнул ему Алексей, разом забыв о ножницах во внутреннем кармане. Ноги приросли к сугробу, горло обожгло, словно наждачной бумагой.

И тут журналист повёл себя странно. Посмотрел на часы, покачал головой и вдруг — на чистом русском:

— Ну чего так долго, лейтенант? Я весь продрог.

Оперативник бесцеремонно пошарил в доске.

— Есть. Рукопись у нас. Посмотрим... «Зрак ветра». Как претенциозно. Ладно, ребята, пакуйте этого и везите к первому. Я — в управление.

Едва дождавшись, пока парк вновь опустеет, дрожащий Алексей чуть не пулей вылетел из укрытия. Озябшие пальцы расстегнули пуговицу — и Алексей, поливая тропинку, закрипел зубами:

— Считал себя гусём, что некогда спас Рим, а на деле... петух. Масляна головушка, шёлкова бородушка.

ЗРАК ВЕТРА (рассказ)

Рассказ

«И вопрошаю: «Како укрытися от вихря лютого?» И ответиша ми глас звонок: «В сердцевину его вниди и стани». И внидох я, и встани — тишина. Но пути обратно нет, яко плоть моя осталась на стенах ветровых».

— **Речение о ветряном зраке.**

Эшафот. Ступень первая.

«ВЕТЕР»

Ветер хлестал Алексея по щекам. Худосочная борода трепалась, словно клочок соломы на пугале.

Он собрал волю в кулак — и ноги сами шагнули на эшафот.

Чувство слабости било сильнее урагана. Нужно взять себя в руки. Ведь поверх трясущейся плоти — кафтан дьяка Преображенского приказа. Лицу положено соответствующее выражение: крепко сведённые, можно сказать «казённые», брови. И никакого страха.

Странное дело: при виде государева человека толпа стихает. Всегда. Ни дать ни взять свеча, что гаснет под медным колпаком.

Так и нынче — замерли. Смотрят. А ну, что скажет?.. Стало тихо.

Лишь ветер свистел над площадью, разбойничий и злой.

Алексей вздрогнул. Прижал к груди листы приговора — жёлтую бумагу, испещрённую мелким, бисерным почерком. Его почерком.

Он писал усердно, сколько себя помнил. К двадцати годам довёл чистописание до совершенства. Этаким почерком годился для святых книг, философских трактатов иль поэтических виршей.

Как потратил Божье благословение? К чему сподобил?..

Вся служба — клепать приговоры. Четыре долгих года он записывал «сказки» — бред истязаемых на дыбе.

Красота букв не желала мириться со смыслом: как можно изящно вывести — «и бить оного лиходея до рассекновения плоти»? Страшное следует писать дрожащей рукой, с кляксами да помарками — не чисто, но с болью. А лучше — с молитвой.

Глядя на притихшую толпу, приметив, как мухи кружат над неряшливо отмытым пнём со следами топора, дьяк вздохнул.

Сказать по совести, его история началась именно с кляксы.

Никогда теперь не забыть, как рука его подвинула чернильницу...

Допросная изба. Понедельник первопреступный.

(Четыре лета назад)

Рука его подвинула чернильницу...

Так, чтобы стояла под прямым углом — в правом конце стола. Как у всех. На лист упала тень. В избе, и без того душной, повис аромат гвоздики.

Алексей знал — сие любимый запах начальника. Дородного мужчины по прозвищу «Груша». Слово безобидное и по-своему милое. Однако всякий, кто служил в Преображенском, ведал: Григорий Грузнов только с виду напоминает вкусный плод. Голова лысая, щёки румяные, пузо круглое. Приятный взору лик да сладкий, сочный голосок — всё обманчиво. Он, если и груша, то гнилая, налитая ядом.

Над самым ухом гаденько мурлыкнуло:

— Подьячий Борзунов, как же ты, мил человек, проглядел этакое безобразие?

Сказать, что Алексей вздрогнул, — ничего не сказать. Он задрожал всем телом. Всем естеством.

Плоть отозвалась на голос старшего дьяка прежде разума — мурашками по спине, холодным потом над верхней губой, оскобленной по заведённому обычаю.

Палец Груши лёг на приказ. Аккуратно подстриженный ноготь чуть надавил на лист под словами: «первый боярин да воевода Смоленский».

Не знай Алексей о нраве начальства, решил бы: тот робеет сделать замечание.

— Сие есть лиходей, — ласково произнёс Грузнов. — Ослушник отечества и государя нашего — Петра Алексеевича. А ты, Борзунов, голубиная душа, пишешь: «боярин и воевода». Оно, конечно, так... да не надобно. По глазам вижу — уразумел. Иные-то как смотрят: зенки выпучат, взглядом пожирают. А ты...

Алексей хотел сказать, что подобный взгляд положен по уставу. Однако промолчал. Дрожь почти унялась.

Вдруг с пера на листок упала чёрная капля. Клякса растеклась по так и не дописанному приказу.

Старший дьяк поморщился, будто чернила угодили ему на сафьяновый сапог, и картинно развёл руками.

— Мотай на ус, Борзунов. Невежество — есть хаос. Оно как ветер. Считает всё на своём пути. Особоливо в нашей отчизне. Мы с тобой — тонкий заслон. Строим порядок. Буковка к буковке, кирпичик за кирпичиком. Ежели всё правильно содеять — выйдет крепкая стена. Целая крепостца. Можно ли нам пропустить хоть каплю раствора мимо?

Алексей кивнул.

— Перепиши, мил человек. Будь ласков. А почто рука трясётся, Лёша?

Улыбка Грузнова настолько не вязалась со стеклянным взглядом, что казалось: будто из гроба улыбается покойник. Ни дать ни взять — кто-то сунул пальцы в уголки синих губ да растянул в стороны.

Борзунов поспешно убрал ладонь со стола. Открыл было рот — сказать: «От бессонницы». Или: «От великого страха». Но язык обратился в тряпицу. Как он сейчас жалок!..

Перед внутренним взором предстал собственный неказистый образ: слишком худой, слишком высокий. Тени под глазами — словно кляксы на жёлтом пергаменте.

Алексей подавил желание перекреститься. Поднял взор...

Грузнов смотрел в самую душу. В глазах — ни гнева, ни сочувствия. Так плотник глядит на брусок, оценивая, где ещё пройти рубанком.

Молчание затянулось. Нужно что-то сказать.

— От... от усердия, господин дьяк.

Грузнов кивнул, будто ждал именно этого ответа. А дождавшись, черкнул пером в невидимом списке. Сделал мысленную заметку.

— Усердие должно быть твёрдым, как подпись под указом, — улыбнулся он и потрепал подчинённого по русым вихрам. — Трудись. И верь: в нашем труде всякое слово — аки гвоздь. Вбивай в шаткий каркас государства Российского. Укрепляй. А оступишься — выйдет, что в собственную домовину. Сиречь — гроб.

Запах гвоздики удалился вместе с мягкими шагами.

Проводив начальство взглядом, Алексей трижды мелко перекрестился.

Эшафот. Ступень вторая.

«ТИШИНА»

Тишина была полной. Лишь в голове звучал голос дьяка.

— Как шагнёшь на плаху, Лёша, — наказывал Грузнов, — не суетись. Встань. Медленно огляди собравшихся. Помни — ты власть. Закон! Земной лик Государя. Сию науку затверди крепко...

Горло сдавило, губы ссохлись, словно гороховые стручки под солнцем.

Затвердить-то он затвердил. Наука, прямо скажем, немудрёная. Да поди исполни!..

Он не мог оторвать взгляда от пня.

Здесь рубят головы. Палач заносит топор — ррраз! — и о дощатый помост бьётся голова казнённого. Бежит прочь, словно колобок от бабушки.

Жуткая сказка.

И сегодня в этой сказке он — Алексей Борзунов — главный рассказчик. Скоморох... Слушатели собрались. Вон их сколько: стоят, ломают шапки.

Волнение толпы ощущается каждым членом. Оно, будто комариный писк, звенит над ухом. Нудит, превращая тишину и покой в сон.

Алексей стиснул пергамент. Брови сошлись над переносицей.

Странное дело, но здесь, в непосредственной близости от плахи, подьячий чувствовал себя... в безопасности.

Ни на крепостной стене, откуда за ним наблюдал Груша, ни среди толпы, а тут — в центре страха. В зраке ветра.

Теорийка работала.

Но когда она появилась?..

Допросная изба. Вторник молодой, к наукам прилежный.

(Три лета назад)

Солнечный зайчик разгулялся по стене допросной избы, словно ярмарочный петрушка под рукой кукловода. Живо и бестолково. С той разницей, что на ярмарке обыкновенно пахнет свежей сдобой, а пыточная камора наполнилась ароматами раскалённого железа, мочи и пота. И, само собой, гвоздики.

Груша, насвистывая, повернул над жаровней щипцы. Голос как всегда бесстрастен, деловит:

— А теперь готовься писать, Лёшка. Инструменты порядком прокалились, настало время беседы. Ну, Фомка, приступим?..

На скамейке заёрзал стрелец.

Алексей с готовностью обмакнул перо в чернильницу. Несмотря на то что его конторка находилась в отдалении от жаровни, по лбу, спине и даже рукам текли струи пота.

В красноватом отсвете углей он казался ещё более худым и высохшим, будто писал не чернилами, а соками собственного тела.

— Говоришь, Фомка, не был ты на сходке в ерофеевском кружале? — спросил Груша, поправляя и без того безукоризненный, без единой складки кафтан.

— Не был, благодетель... Не был. Вот те крест!

— Ах! Вот неприятность... — Грузнов не повысил голос, но в нём прозвучала досада. Бесстрастная досада писаря, нашедшего погрешность в бумагах. — И кто из вас прав? Никодим Крапива сказывал, будто ты первый явился на зов сотника. Сотник, кстати, что у него за странное прозвище — Гуси-Лебеди? — и вовсе записал в бунтовщики весь полк. Вот так страница-злодейка и пестрит, Фома. Разными почерками, разными чернилами. Да все супротив тебя. Кому верить? Расклад зело горький...

Алексей старался не вслушиваться.

Он почти привык просто писать. Почти.

Руки больше не дрожали: строчки ровными линиями ложились на пергамент. Лишь где-то в груди сердце-лиса рыло нору, слышав лай собак.

Груша потянулся к щипцам, сдвинул их так, чтобы лежали строго посередине углей. Стрелец едва не взвыл. Но Алексей знал: начальник сделал это не для того, чтобы напугать.

Это не было частью допроса. Лишь привычка.

Дьяк был как всегда безмятежен.

Чёртова гадюка! Даже завидно...

Именно в это мгновение в голову Алексея и пришла теория о «Зраке ветра».

Ветер — злая, могучая сила. Так? Так. Тем же огнём ещё можно согреться или приготовить пищу, а ветер... От него одна беда. Но там, где он зарождается, царит тишина. Всегда тишина... Чтобы не быть опрокинутым, нужно не бежать. Нужно стать его частью. Встать у истока. Тогда, и только тогда, тебя не заденет...

— Так что, Фомка? — Груша говорил так проникновенно, что Алексей почти поверил: сейчас начальник встанет и обнимет опального стрелца. — Готов к покаянию?

Допрашиваемый заговорил. Сперва тихо и кратко, затем всё громче и пространнее.

Борзунов заносил каждое слово на бумагу с лихорадочным усердием, стараясь, чтобы почерк был безупречным и, елико возможно, мелким. Стараясь встать в зрак ветра.

В горле стоял ком — приторный привкус гвоздики.

Эшафот. Ступень третья.

«КЛЫКИ»

Клыки крепостной стены проступали в утреннем сумраке, будто кровавое пятно на перевязанном челе.

Толпа замерла в ожидании. Взоры, как по команде, устремились к «Сергиевым вратам» — знаменитому ходу сквозь башню, над которым издавна висит лик Сергия Радонежского, утешителя страждущих.

Раздался скрежет. Железная решётка с неторопливой торжественностью поползла вверх — и из врат показалась вереница белых рубах. Десяток осуждённых, чьи лица сливались с серой пеленой утра, двигались с той механичностью, с какой шестерёнки приводили в движение саму решётку.

Ими управляла покорность, не страх.

Страх поселился в Алексея, болотным стерхом свил гнездо в сердце. Молодой мужчина скрипнул зубами...

«Телом ты, может, и в безопасности, — шепнул внутренний голос, который, в отличие от самого подъячего, был красноречив и многословен, — но что от тебя останется, когда всё это кончится? Твоя душа — не пергамент: её не спрячешь в сенатский архив, отделив сущее от минувшего. Живое неразлучно с мёртвым».

Алексей отвернулся.

По пути в Сенат. Середа зрелая, к делам государевым полезная.

(Два лета назад)

Упряжка неслась по столичной улице, весело звеня бубенцами. Ровный петербургский проспект летел навстречу, со свистящим хохотом швыряя ветер в лица сидящих.

— Ах!.. — вырвалось у Алексея. Его рассеянный взгляд механически проводил упавшую на брусчатку треуголку.

Грузнов покачал головой с тем же лёгким неодобрением, с каким обыкновенно взирает на едва покосившуюся строчку в указе. Однако ничего не сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.